

— Но вѣдь я о крохахъ не думаю, а мнѣ тоже скучно.

— Нѣтъ, и ваша жизнь переполнена крохами, только вы иначе ихъ называете. Что вы теперь дѣлаете? что предстоитъ вамъ въ будущемъ? Навѣрно, вы мечтаете о дѣятельности, о возможности быть полезною; но разберите сущность вашихъ мечтаній, и вы найдете, что тамъ ничего, кромѣ крохъ, нѣтъ.

— Я еще не приступила ни къ чему, а вы уже заранѣе пугаете меня.

— Извините. Я вообще и неумѣль, и необщителенъ. Такъ сказалося, проста.

Оба замолчали, чувствуя, что дальнѣйшее развитіе подобнаго разговора между людьми, которые едва знали другъ друга, можетъ представить нѣкоторыя неудобства. Но когда онъ, послѣ обѣда, собрался въ городъ, она опять подумала: „вотъ еслибъ онъ не былъ связанъ!“ — и опять покраснѣла.

Въ этотъ же вечеръ старикъ отецъ, точно чувствуя, что сердце Ольги тревожно, подозвалъ ее къ себѣ и, взявши за подбородокъ, долго всматривался ей въ глаза.

— Бѣдная моя!—не то сказалъ, не то вздохнулъ онъ.

— Что такъ?—спросила она, чуть не плача.

— Бѣдная!—повторилъ онъ, безпомощно опуская голову на грудь, и махнулъ рукою, чтобы она ушла.

Всю ночь она волновалась. Что-то новое, хотя и неясное, проснулось въ ней. Разговоръ съ докторомъ былъ загадочный, сожалѣнія отца заключали въ себѣ еще менѣе ясности, а между тѣмъ они точно разбудили ее отъ сна. Въ самомъ дѣлѣ, что такое жизнь? что значать эти „крохи“, о которыхъ говорилъ докторъ?

Ей вспомнилась старая дѣвушка—тетка. Надежда Ѳедоровна не жаловалась собственно на жизнь, а только на извѣстныя затрудненія, которыя тормозили ея дѣятельность. Но затрудненія не исключали представленія о жизни; напротивъ того, борьба съ ними оживляла и придавала бодрости. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствовало изъ писемъ тетки, которая всегда оговаривалась, что занята по горло, и оттого пишетъ рѣдко. Зачѣмъ она не послушалась отца, и не поселилась вмѣстѣ съ теткой? Быть можетъ, теперь у нея нашлось бы ужъ дѣло; быть можетъ, она, вмѣстѣ съ Надеждой Ѳедоровной, волновалась бы настоящею, реальною дѣятельностью, а не тою вынужденною праздною, которая наполняла все ея существо тоскою? И усиленная дѣятельность тетки не представляла ничего другого, кромѣ „крохъ“, какъ выразился недавно докторъ...